

„ЦЕЛИНА”

Любые крайности вредны
Л.Брежнев

Сталин еще до войны установил беспрецедентный в истории цензуры порядок — запрещение пользоваться старыми газетами, журналами и книгами самой же большевистской партии. Это запрещение распространялось и на старые издания протоколов съездов партии, и на старые издания Ленина (под предлогом, что там „справочный аппарат” — „вредительский”), и на старые книги самого Сталина (там были статьи и речи Сталина в защиту Зиновьева, Каменева, Бухарина и даже Троцкого). С точки зрения интересов установленного им и существующего до сих пор режима, Сталин поступил не только правильно, но и весьма разумно. Если бы советским людям было разрешено беспрепятственно пользоваться старыми газетами и книгами времен Ленина, то они оттуда узнали бы, что Ленин и Троцкий руководили Октябрьским переворотом, Троцкий создал Красную армию, Рыков и Каменев были заместителями Ленина, Зиновьев — лидером Коминтерна, Бухарин — главным теоретиком партии, а Сталин никогда не назывался в те годы в числе ведущих вождей партии. Между тем Сталин доказал, вопреки всем историческим фактам, что это *он* был и организатором Октябрьского переворота, и создателем Красной армии, и вождем Коминтерна, и „корифе-

ем” всех наук. Молодое поколение коммунистов должно было этому верить, ибо все, что этому противоречило, было уничтожено или находилось под запретом. То же самое происходит и сегодня. Запретив, по сталинским рецептам фальсификации истории, всю литературу, связанную с именем Н.С.Хрущева, и изъяв из библиотек восемь томов его сочинений „Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства”, Леонид Брежнев решил в третьем разделе своих мемуаров „Целина” („Новый мир”, № 11, 1978) доказать недоказуемое: поднятие целины — это не идея Хрущева, даже больше — Хрущев мешал своим „волюнтаризмом” осуществлению этой идеи. Не Хрущев, а Брежнев — вот кто подлинный организатор поднятия целины, — таков вывод новых мемуаров Брежнева. Посмотрим, как это он доказывает.

Сначала некоторые замечания к биографии Л.Брежнева. У генсека, видно, в подсознании сидит все еще не преодоленный комплекс своего „непролетарского происхождения”, иначе не было нужды еще раз подчеркивать: „По отцу — рабочий, по деду — крестьянин, я испытал себя и в заводском, и в сельском труде. Начинал рабочим, но в годы разрухи, когда остановили надолго завод, пришлось узнать пахоту, сев, косовицу...” Что это не так, говорят факты, которые опровергнуть невозможно: во-первых, Брежнев, будучи 1906 года рождения, окончил в 1927 г. в возрасте 21 года техникум, до этого он должен был окончить как минимум семилетку, значит из 21 года по меньшей мере 10 лет Брежнев учился, спрашивается, когда же он был „рабочим” и „крестьянином”, кроме как во время школьных каникул? во-вторых, Брежнев был принят в партию с двухлетним кандидатским стажем, а такой стаж был

установлен при принятии в партию для лиц непролетарского и некрестьянского происхождения, как уже указывалось выше.

В своем очерке „Брежнев издалека”, напечатанном в газете „Новое русское слово” (29 января 1978), я отметил, что когда партия боролась с „кулаками”, Брежнев стоял в стороне, а в разгаре „сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса” землемер Брежнев по существу дезертировал из деревни и вернулся в свой родной город. Косвенный ответ на эту констатацию факта теперь дан в „Целине”: „бился с кулаками на сходах, организовывал первые колхозы... Землеустроителем начал работать в самом начале коллективизации, а на завод вернулся, когда она была в основном *завершена*” (выделено мною. — А.А.). Если бы Брежнев или его советники заглянули хотя бы в БСЭ и сличили бы дату начала сплошной коллективизации с датой ухода Брежнева из деревни, то они увидели бы — Брежнев ушел из деревни (Урал) в 1930 г. (см. „Советская Историческая Энциклопедия”, т.2, 1962, стр. 711, „Брежнев Л.И.”), сплошная коллективизация тоже началась в 1930 г. и завершилась только в 1932-1937 годах, причем за весь 1930 год было коллективизировано только 23,6% сельского хозяйства (см. БСЭ, т. 2, 1953, стр. 616). Эти примеры я привожу, чтобы показать, если Брежнев так бесцеремонно обращается с историческими фактами, которые поддаются объективной проверке, то можно себе представить его обращение с теми фактами и событиями, которые не всегда возможно проверить.

Мы помним, как после смерти Сталина резко оборвалась карьера Брежнева, именно в тот момент, когда он, казалось, прочно достиг вершины власти:

на XIX съезде в октябре 1952 г. он стал членом ЦК, одним из секретарей ЦК и кандидатом в члены Президиума ЦК. Он, безусловно, был из числа тех молодых партаппаратчиков, которых Сталин собрал вокруг себя на октябрьском пленуме ЦК после съезда, чтобы при их помощи уничтожить свою „старую гвардию” — старое Политбюро. Члены старого Политбюро это точно знали, о чем Хрущев и докладывал XX съезду. Поэтому первым партийным актом старого Политбюро после смерти Сталина было изгнание из Президиума и Секретариата ЦК этих молодых партаппаратчиков. В числе их оказался и Л.Брежнев. Его исключили из Президиума и из Секретариата ЦК и назначили начальником политуправления военно-морского флота. По понятиям партийной номенклатуры, это было катастрофическое падение, в конце которого былой секретарь ЦК мог превратиться в ничто. Однако в этом падении Брежнев лично не был в чем-либо виновен. Не было его личной вины и в том, что Сталин делал ставку на него, как на испытанного аппаратчика, способного выполнять любые его приказы. В природе Брежнева как человека и в его сталинском воспитании как партаппаратчика было беспрекословно выполнять сталинские приказы, как бы они ни были для него тяжелы и унижительны. Он унаследовал у своего учителя Сталина и другое драгоценное качество „политики дальнего прицела” — железное терпение. Все это помогло ему, когда его долголетний покровитель — Н.С.Хрущев — стал в сентябре 1953 г. первым секретарем ЦК КПСС. Через четыре месяца после своего назначения Хрущев и вспомнил о Брежневе, своем давнишнем выдвиженце на Украине. Брежнев, не называя, разумеется, имени Хрущева, так рассказывает о начале своего второго вос-

хождения: „Целина прочно вошла в мою жизнь. А началось все в морозный московский день 1954 г., в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые, и новостью было то, что *массовый подъем целины хотят поручить именно мне*” (выделено мною. — А.А.).

Допустим, что „проблема целины” Брежневу была давно знакома, согласимся с автором, что ему просто неудобно назвать имя первого секретаря ЦК КПСС по соображениям, хорошо известным, но крайнее удивление вызывает кричащая неправда последней части этого утверждения — будто „массовый подъем целины” был поручен именно ему, Брежневу. „Массовый подъем целины” в Казахстане — 13 миллионов гектаров — был поручен не Брежневу, а первому секретарю ЦК Казахстана П.К.Пономаренко, а Л.И.Брежнев был назначен его помощником как второй секретарь. Первым секретарем ЦК Казахстана Брежнев стал лишь в августе 1955 года, когда Пономаренко уже перевыполнил задание ЦК КПСС о поднятии целины в Казахстане (18 миллионов гектаров). Несмотря на это, Пономаренко был снят, так как в междоусобной борьбе в Президиуме ЦК победил покровитель Брежнева — Хрущев — против покровителя Пономаренко — Маленкова. В феврале 1955 г. Маленков потерял пост главы правительства, поэтому пал и Пономаренко, сосланный послом в Варшаву.

Нет никакого сомнения в правдивости повествования Л.Брежнева там, где он рассказывает о своей личной жертвенности на работе, доходившей порою даже до потери сознания в буквальном смысле. Не боясь быть обвиненным в нескромности и делая себя примером для подражания молодым партаппа-

ратчикам, автор рассказывает, каким он был энергичным: „Сегодня, по прошествии лет, просматривая документы того времени, думаю, каким образом удавалось столько делать и везде поспевать?.. С раннего утра до полуночи принимал людей. Сам я никогда не жалел времени... Нередко оставаясь в ЦК до глубокой ночи... был все время в пути, спал урывками, обедал где придется. И однажды в Целинограде почувствовал себя плохо. Очнулся на носилках. До этого меня один раз уже доставляли с сердечным приступом из Семипалатинска в Алма-Ату. Пришлось отлеживаться дома, отбиваясь от врачей, которые норовили упечь меня в борьницу... А главное, времени не было болеть”.

Что же двигало кипучей деятельностью, настойчивостью, упорством этого человека? — Высокие идеи марксизма-ленинизма, — ответит партийный простофиля, высокие идеи высокой карьеры — был бы точный ответ. Брежнев слишком хорошо знал, о чем идет речь: или он еще раз оправдает доверие Хрущева и тогда второй раз доберется до вершины Кремля, или он не справится с заданием и тогда навсегда исчезнет из поля зрения ЦК. Сам Хрущев тоже рисковал во многом: свою идею о поднятии целины он провел в жизнь при почти единодушном сопротивлении тогдашнего Президиума ЦК КПСС. Речь шла о поднятии целины не только в Казахстане, но и в других районах — в Западной Сибири, на Поволжье, Северном Кавказе. Чтобы обеспечить успех такому гигантскому мероприятию (ведь общая площадь освоенных целинных земель оказалась 42 миллиона гектаров, из них в Казахстане — 18 миллионов), Хрущев мобилизовал, словно на войну, весь СССР — людей, машины, финансы.

Это было время вожделенной всеми „оттепели”

после сталинского „ледникового периода”. Поэтому советская молодежь широко отозвалась на призыв Хрущева поехать освоить целину. Десятки и сотни эшелонов молодежи двинулись в целинные края. Но подобно и всякой другой советской кампанейщине, это делалось без предварительной подготовительной работы на местах. Поэтому люди встретились с первых же дней с отсутствием элементарных условий работы — ни жилья, ни снабжения не было организовано. Отсюда массовое возвращение разочаровавшихся целинников. Брежнев отмечает этот факт, но винит в этом не собственную власть, а этих самых целинников: „Их метко называли „землепроходимцами” и с ними пришлось столкнуться в первой же поездке по Северному Казахстану... весной 1954 года... из толпы вырвался какой-то шумный малый и буквально атаковал меня вопросами. Куда их привезли? Зачем сорвали с мест? Где жилье, где заработок, где теплая одежда? В этой степи, дескать, одни сурки могут жить в своих норах!”

Центральной темой своей „Целины” Л.Брежнев сделал, как указывалось выше, вопрос — кто был автором идеи поднятия целины, — а читатель, который отлично знает, что этим автором был только один Хрущев, с любопытством ждет, как Брежнев умудрится доказать обратное. Л.Брежнев вышел из положения весьма ловко: рождение идеи о поднятии целины он сделал анонимным, а себя показал, как выразился тогдашний директор совхоза в Казахстане, а теперь первый секретарь Полтавского обкома партии Ф.Мегун, — „главнокомандующим целинного фронта” („Известия”, 12.11.78). Вот рассуждение Брежнева: „Иногда спрашивают: кто был автором идеи поднять целину? Считаю, что сам этот вопрос неверен, в нем кроется попытка выдающееся свер-

шение нашей партии и народа приписать „прозрению” и воле какого-либо одного человека. Подъем целины — это великая идея Коммунистической партии...” Это, конечно, не ответ на законно поставленный вопрос. Партия не философская категория, а живой организм, который возглавляют живые люди. В данном случае партия — это Президиум ЦК, который принимает все решения от ее имени. Кто же входил в этот Президиум ЦК, когда в январе—феврале 1954 г. было принято решение о целине? Он состоял из следующих девяти лиц: Хрущев, Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Микоян, Первухин и Сабуров. Кто из них был за и кто против плана поднятия целины? Л.Брежнев дает ясный и категорический ответ: „Сегодня при очевидности результатов, все кажется бесспорным, можно даже и удивляться: как это у целины могли быть противники? А они были. Впрочем, противниками как таковыми — яростными, не желавшими даже слышать о целине — можно назвать лишь участников сложившейся вскоре *антипартийной группы*”. Это значит, что из всех перечисленных членов Президиума ЦК за план поднятия целины были только два человека — Хрущев и Микоян, а все остальные против, ибо из них ведь и состояла названная „антипартийная группа”. Даже Микоян, который голосовал за план поднятия целины, не верил утверждению Хрущева, что в Казахстане можно собрать один миллиард пудов хлеба (см. Н.С.Хрущев. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства, т. 2, М., 1962, стр. 273).

Таким образом, получается, что Хрущев не только был инициатором плана поднятия целины, но и его единственным энтузиастом на вершине партии. Как же тогда Хрущеву удалось принять решение,

если большинство Президиума ЦК было против? На это отвечают сами исторические документы. Важнейшими из них надо считать два: 1) „Записка в Президиум ЦК КПСС” Н.С.Хрущева от 22 января 1954 г.; 2) доклад Н.С.Хрущева на февральском пленуме ЦК КПСС 1954 г.

Автор „Целины” умалчивает о существовании этих документов, хотя именно в них и содержится ответ на поставленный вопрос — кто был инициатором поднятия целины.

Впервые в бумагах ЦК план целины изложен в указанной персональной „Записке” Хрущева в Президиум ЦК. В ней говорится: „Важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна является расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, Западной Сибири, а также в районах Поволжья и Северного Кавказа” (Хрушев, там же, т. 1, стр. 89). Хрушев предложил уже в 1954-55 годах освоить в Казахстане сперва 13 миллионов гектаров целинных земель. Президиум ЦК счел этот план Хрущева „фантастическим” и отверг его. Тогда в феврале 1954 г. Хрушев созвал пленум ЦК, на котором обосновал свою идею. В частности, о Казахстане Хрушев заявил на этом пленуме: „Казахстан может дать хлеба не меньше Украины” (там же, стр. 275). Пленум поддержал идею Хрущева и принял предложенное им решение для ее осуществления. Хрушев на этом не успокоился. Он часто выезжал в целинные районы, проверял проведение своей идеи, давал указания, требовал дела и отводил пустые обещания.

Обо всем этом у Брежнева ни слова, а ссылка на февральский пленум ЦК тоже сделана без указания на доклад Хрущева, хотя этот доклад и был единст-

венным пунктом его повестки дня. Более того. Автор силится создать у читателя впечатление, что на высшем уровне был только один человек, который мешал ему поднять целину, это... Хрущев! Хрущев присутствует в мемуарах в двух сценах, которые должны, по мнению автора, проиллюстрировать его „произвол” и „волюнтаризм”. Однако как раз по прочтении этих „убийственных” для репутации Хрущева сцен читатель приходит к выводу: если приведенные примеры и составляют самые тяжкие доказательства знаменитого „волюнтаризма”, то Хрущев погиб не за „волюнтаризм”, а за свой выдающийся практический ум, беспокойную деловитость и даже за юмор, который, может быть, звучал в ушах Брежнева как личное оскорбление.

Первая сцена: „Когда на одном из больших совещаний в присутствии Н.С.Хрущева я заявил, что целина еще себя покажет, он довольно круто оборвал: — Из ваших обещаний пирогов не напечешь!”

Вторая сцена: в один из приездов в Казахстан Н.С.Хрущев присутствовал на заседании бюро Кустанайского обкома. Разбирался вопрос о транспорте для подвоза хлеба из глубинки. Люди предлагали построить шоссейные дороги для автотранспорта, а Хрущев предложил провести несколько узкоколейных железных дорог. Брежнев замечает: „Никакие аргументы против этой идеи во внимание приняты не были. Так была построена сначала узкоколейка Кустанай-Урицкое, а затем и Есиль-Тургай. Это была ошибка, обе дороги практически не сыграли ожидаемой роли в вывозке хлеба и вскоре были разобраны”. Из этого частного примера, из которого вовсе не явствует, что Хрущев был неправ, автор делает большие политические обобщения, подтекст которых гласит: Хрущев, как глава партии и госу-

дарства, был дилетант, а вот я вам расскажу, каким должен быть подлинный вождь СССР!

В самом деле, послушайте следующее рассуждение автора: „Привожу этот факт не ради того, чтобы показать, что партийный государственный деятель обязан быть одновременно дорожником, экономистом, инженером и т.д. Нет, но он должен владеть как законами общего развития, так и опираться на конкретные научные и практические знания”.

Читатель теперь легко догадывается, почему Хрущев, не знающий общественных „законов” и не имеющий „научных и практических знаний”, был заменен именно Брежневым, который, очевидно, обладает всеми этими качествами. Но как раз в этом вопросе автор проявляет скромность, которой он, вообще говоря, совсем не страдает. Продолжая свое рассуждение о силе и бессилии советского лидера в нынешних условиях, Л.Брежнев по существу признает, что не он, а „коллектив” правит сейчас в Кремле. Автор говорит, что „партийный и государственный деятель... во всяком случае не может считать себя единственным и непререкаемым авторитетом во всех областях человеческой деятельности... Современная экономика, политика, общественная жизнь настолько сложны, что подвластны лишь могучему коллективному разуму”. Весь „волютаризм” Хрущева в том и заключался, что он, как лидер партии, суверенно водил этот „коллективный разум”, а сегодня, наоборот, „коллективный разум” водит своего лидера при всей внешней мишуре брежневского всевластия.

Вернемся к целине. Как мы видели, автор отрицает, что Хрущеву принадлежит инициатива поднятия целины. Он отрицает и то, что Хрущев оказывал какую-либо помощь целинникам. Более того,

своим некомпетентным вмешательством Хрущев только мешал Брежневу. Тогда встает другой вопрос — кто же из ЦК КПСС помогал автору? Ответ Брежнева свидетельствует о том, что его не заботят ни известные исторические факты, ни логика его собственных писаний. Автор пишет: „Мы находили поддержку и помощь в Центральном Комитете партии. Хочу сказать самые теплые слова в адрес членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, которые много сделали в те годы, чтобы как можно быстрее и успешнее были освоены целинные земли. Я не раз встречался и советовался с ними и всегда получал... твердую партийную и добрую моральную поддержку”. Никаких имен Брежнев не приводит, да и как привести, если Хрущев не помогал, а все другие члены Политбюро, кроме Микояна, входили в „антипартийную группу” противников целины, о чем пишет сам же автор в начале своего очерка. Однако по свежим следам поднятия целины память у мемуариста Брежнева работала отлично. Он тогда знал не только о тех, кто мешал, но и том человеке, инициативой которого явилась целина. Это зафиксировано в протоколе XXII съезда КПСС в октябре 1961 г. Брежнев сказал на этом съезде: „Гигантская задача освоения целинных земель, поставленная по *инициативе товарища Хрущева*, против которой, как известно, рьяно выступала антипартийная группа... была решена в кратчайший срок” (XXII съезд КПСС, Стенографический отчет. Том 1, 1962, стр. 342).

Поставим опять вопрос: когда Брежнев говорил правду — на XXII съезде, когда он утверждал, что инициатором поднятия целины был Хрущев, или сегодня, когда он в „Целине” это категорически отрицает? Впрочем бесцельно задавать такие вопросы

людям, которые вышли из сталинской школы. Фальсификация собственной истории стала органической функцией так называемой „генеральной линии” партии даже в тех случаях, когда, казалось бы, в этом нет ни малейшей надобности, если надобностью не считать патологическую ревность Брежнева к славе своего предшественника. Однако для наблюдателя со стороны ясно: правление Хрущева войдет в историю Советского Союза как явление эпохальное именно из-за двух его акций — разоблачения преступлений Сталина и поднятия целины. Но теперь, почти через четверть века, автор хочет лишить своего предшественника славы этих акций: в политике — ресталинизацией, в экономике — присвоением себе заслуг Хрущева по поднятию целины. Делает он это без видимых угрызений совести, открыто и вызывающе, когда заявляет: „Я постоянно занимаюсь целиной и сейчас... могу сказать, что вижу теперь там воплощенной в жизнь *свою мечту...*” (выделено мною. — А.А.)

Бедный Хрущев! У тебя украли не только славу, но и мечту. Утешением тебе пусть будет, что преемник твоего преемника с ним поступит точно так же. Это ведь железный закон исторического развития партии.

Между тем это было всего за четыре месяца до заговора против Хрущева — 17 апреля 1964 г., когда Брежнев уверял партию и народ, что Хрущеву принадлежит не только инициатива поднятия целины, но главное — инициатива разоблачения Сталина, что открыло новый этап в жизни народов СССР. Вручая Н.С.Хрущеву Золотую звезду Героя Советского Союза, Брежнев сказал тогда: „Не могу скрыть своей радости и волнения... Советские люди всегда будут благодарны Вам за то, что став у руля

партии, Вы проявили мужественную *инициативу* (выделено мною. — А.А.) разоблачения культа личности Сталина... Ваше имя, Никита Сергеевич, навсегда связано с новым историческим этапом в жизни нашей страны... Ваши замечательные дела снискали к Вам уважение и любовь всей нашей партии, всего советского народа. Это наполняет наши сердца радостью и гордостью за Вас, нашего товарища, друга и руководителя". На этом месте партийный протокол замечает: „В зале вспыхивает овация. И вот на груди Никиты Сергеевича над тремя орденами Героя социалистического труда засверкала Золотая звезда Героя Советского Союза. По старинному русскому обычаю Л.И.Брежнев обнимает и троекратно целует Н.С.Хрущева" („Правда", 18.4.64). Да, видно, нет более бесславной славы, чем советская слава...

Есть один-единственный вопрос, по которому Брежнев не полемизирует со своим предшественником, — это национальная проблема в Казахстане. Как Хрущев признавал в свое время, не только казахский народ, но даже ЦК коммунистической партии Казахстана во главе с первым секретарем ЦК Шаяхметовым были против плана поднятия целины Казахстана за счет массовой колонизации своей страны по существу принудительными переселенцами из РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики. В Казахстан уже во время войны были депортированы целые народы — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, немцы. В Казахстане была создана целая сеть концлагерей вокруг „великих строек коммунизма". Происходила самая интенсивная денационализация Казахстана. Заселение целины новыми сотнями тысяч колонистов, которых окрестили почти поэтическим именем — „целинники", должно было превратить казахов в национальное меньшинство в

собственной стране, что, конечно, и случилось (сейчас казахи составляют в Казахстане только 32%!). В народе открыто говорили: „Сталин превратил Узбекистан в хлопковую колонию Москвы, а Хрущев хочет превратить Казахстан в хлебную колонию Москвы”. Понятно, что под этим нарастающим давлением народа казахстанский ЦК отверг требование Хрущева приступить к освоению целины, если условием этого освоения является массовая колонизация Казахстана „братскими республиками”.

Все попытки Хрущева по-хорошему „уговорить” правителей „суверенной союзной республики” принять его план ни к чему не привели. Даже второй секретарь ЦК Казахстана (русский) Афонин стал в этом вопросе на точку зрения казаха Шаяхметова. Тогда Хрущев решил проблему „по-волюнтаристски” — вызвал все бюро ЦК Казахстана во главе с Шаяхметовым и Афониным в Кремль и сообщил им, что отныне они никто и что Казахстаном будет управлять Пономаренко как первый секретарь ЦК, а его помощником в качестве второго секретаря будет Брежнев. Они прибыли в Алма-Ату с целым штабом партаппаратчиков, среди которых не было ни одного казаха.

Начались и поднятие целины, и „интернационализация” Казахстана. Брежнев самодовольным тоном великодержавного колонизатора отмечает: „Целина сделала его (Казахстан. — А.А.) без всякого преувеличения „планетой ста языков”. Сам казахский язык, став одним из этих „ста языков”, перестал быть государственным языком в „собственном государстве”. Брежнев делится и своими успехами в борьбе с местным национализмом, который культивирует „национальную самобытность”. Он пишет: „...важнейший вопрос о национальных традициях и

самобытности нельзя упрощать, сводить лишь к этнографии и бытовизму: на Руси — к избам, хоровам и кокошникам, в Казахстане — к юртам и табу-ну лошадей” (!). И далее: „Замечу, что поборники национальной обособленности под предлогом защиты „чисто национальных традиций” обычно выступают изворотливо, редко в открытую. Напротив, ловко пользуясь любыми ошибками противников (то есть великодержавных шовинистов, открыто проповедующих русификацию. — А.А.), они (то есть казахские националисты. — А.А.) хотят выглядеть, как говорится, святее папы римского. Помню какой шум был поднят вокруг роли некоего Кенисары. Вначале объявили его прогрессивным деятелем, выступавшим за объединение Казахстана с Россией. Потом нашли документы, показывающие, что он был реакционер и объединения не одобрял”. Автор не постеснялся оскорбить имя и дело величайшего национального героя Казахстана в борьбе за его независимость — Кенисары Касыма (1802-1847), которого не только царская, но даже советская историография признавала таковым, пока Сталин в разгаре шовинистической кампании в сороковых годах не объявил и Кенисары, и национального героя народов Кавказа — великого Шамиля — „реакционерами” и „иностранными шпионами”. Брежнев на собственном примере доказал своим казахским читателям, как прав был Ленин, когда произнес свои знаменитые слова: „перекрести иного коммуниста и откроешь в нем великорусского шовиниста”!

В заключение остановимся на двух эпизодах, которым советский читатель не придает решительно никакого значения (потому что к этому привыкли), а сам автор (Брежнев) считает в порядке вещей. Идет уборка хлеба, бесконечный поток грузовых

машин с зерном, но пункт заготовки хлеба не принимает: старый элеватор засыпан зерном до отказа, нового нет. Шоферы сутками лежат в кабинах, нет воды, нет еды, нет даже кого-нибудь, кому можно пожаловаться, а выгрузишь хлеб на поле — накажут, вернешься назад с хлебом — еще больше накажут, — в общем, типичный „советский порядок”. Вот в это время к пункту подъезжает Брежнев со своей свитой: „Тотчас нас окружили шоферы. Все потонуло в невообразимом шуме. Водители кричали, что простаивают сутками, ночуют в кабинах, негде перекусить, отмыться от пыли”, и автор добавляет: „...но это еще куда ни шло, а главное — ...пропадет хлеб” (выделено мною. — А.А.). Люди пропадают — „это еще куда ни шло”, а вот пропадает хлеб — это главное.

Другой эпизод — в „Неделе” (6-12 ноября, 1978, № 45) помещен рассказ пилота Н.Моисеева, который вместе со вторым пилотом и еще с бортмехаником летели на самолете Брежнева (480 посадок на полях мы сделали, — говорит Брежнев). В одну из посадок Моисеев нарушил инструкцию Казахского управления гражданского флота. Он посадил самолет не в районном центре, как было указано, а прямо в усадьбе совхоза. Моисеев вспоминает: „Помню, помню. Эта посадка мне нервов стоила. Однако чего ж было время терять... Времени у нас всегда не хватало. Мне потом начальник (гражданского флота. — А.А.) говорит: „Другому, Моисеев, я бы этой посадки не простил. Но смотри, если сломаешь машину...”. Что Моисеев может „сломать” такой драгоценный груз, как секретарь ЦК Казахстана Брежнев со всей командой, это, как видно, начальника не трогает, но вот если он разобьет машину, — будет беда. Там продукт дороже человека, здесь вещь доро-

же человека. Это бессознательное саморазоблачение — лучшее свидетельство об истинной природе советского „гуманизма”.

Как и предыдущие воспоминания Брежнева — „Малая земля” и „Возрождение”, — „Целина” объявлена „учебником жизни” даже для будущих поколений. Писатель Михаил Алексеев пишет в „Правде”: „Вместе с предыдущими двумя его книгами воспоминаний „Целина” составляет трилогию, своеобразный триптих, ценный и важный для нас не только тем, что воскрешает в нашей памяти недавнее геройское прошлое, но и тем (может быть даже в большей степени именно этим), что является учебником *жизни* для всех сменяющих друг друга поколений советских людей” („Правда”, 12.11.78). Леонид Брежнев поступит разумно, если не поверит ни одному слову ни Алексеева, ни „Правды”. Они же о нем завтра будут писать совершенно обратное и, увы, только тогда и будут искренни.